

Брошенные в песках

В начале 1919 года отступление 11-й Красной армии на Астрахань превратилось в дорогу смерти

Как создавалась буйная армия

В истории революционных лет на Северном Кавказе есть забытый драматический эпизод, который существенно повлиял на последующий ход событий. Речь идет о переходе 11-й армии Красной армии через астраханские песчаные степи.

Волею судеб в составе этой армии был собран наиболее буйный анархистствующий элемент. Основным источником этого контингента была Украина. Здесь осенью — зимой 1917–1918 гг. из демобилизовавшихся солдат, сельских льготников, по разным причинам избежавших призыва в действующую армию во время войны, образовались банды «батеки» и «Марусек». А еще черноморские матросы, направлявшиеся домой через благодатную Украину, решили

тут перезимовать, и формировали из подручных средств бронепоезда для своей реквизиционной деятельности. На приднепровских и донбасских заводах и рудниках стихийно возникали красногвардейские отряды, во главе которых становились как эсеры, так и большевики с мандатами из центра.

Возникла гремучая мешанина из вооруженных формирований. После Брестского мира и начала оккупации австро-германскими войсками юго-западных губерний вся эта масса двинулась на Дон.

Когда австро-германцы перешли границу Донской области, началась эвакуация советских учреждений. Эшелоны из Таганрога, Ростова, Новочеркасска с боями отходили по железнодорожной ветке. Аппарат Донского ЦИКа со сво-

* 1

Карта отхода 11-й армии через Яшкуль, Величавское и Кизляр.

ими отрядами в эшелонах по железной дороге устремился в Царицын, ведь к этому новому губернскому городу примыкали верхнедонские округа, бывшие опорой советской власти. Командирам же анархистских отрядов гостеприимство Царицына не улыбалось. Им было известно о недавней ликвидации в Москве центрального штаба их партии. До них дошли известия об арестах главарей анархистских отрядов, ранее прибывших в Царицын с Украины, о реквизиции у них оружия и награбленного имущества.

Разобщенность действий, неподчинение приказу были в полной мере представлены в практике этой армии на всех уровнях. Разложение проявилось и в серии бессудных расстрелов командного состава. Видный партийный работник Г.К. (Серго) Орджоникидзе признавал, что армия собрала всевозможных «партизан» и бандитов, имевших репутацию полного сброда, но утверждал, что при этом она хорошо была белых¹.

Анархисты, находившиеся в эшелонах между Царицыном и Тихорецкой, метались, не зная куда деться. Те, кто не был разоружен или расстрелян под Царицыном, скопились в районе Кавказских Минеральных Вод.

К этому времени на Кубани и Терек активизировались белые (Добровольческая армия генерала А.И. Деникина и терские казаки), под ударами которых красные были вынуждены отступать. В начале осени 1918 г. на пространство между Армавиром и Невинномысской выплеснулась орда панически, хотя и с боями отступавших с побережья Черного и Азовского морей местных — портовых и станичных — красных отрядов.

3 октября 1918 г. на основе директивы Реввоенсовета Республики была создана 11-я армия. Ее составили части Красной армии Северокавказской республики, Таманской армии, ставропольские пехотные и кавалерийские полки. Сюда же вошли украинские части — Херсонская дивизия, полк Тавриды, Чертова сотня, Черноморский революционный полк, Тираспольский инженерный батальон. Воинский состав, подобранный тут, был вполне определенного качества.

Болезни — главный враг

Итак, 11-я армия собрала под своими знаменами тех, кто стремился оказаться подальше не только от командирской уздечки, но и от бескормицы. К январю 1919 г. на границе Кубанской и Терской областей и в Ставропольской губернии скопились не менее сотни тысяч человек. За три месяца их пребывания на ограниченном пространстве в пределах треугольника Армавир — Ставрополь — Прохладная они полностью выели продовольственный запас.

Осень и начало зимы были аномально теплыми даже для юга. Но инфекционные заболевания начали косить ряды армии; сначала испанка, потом сыпной тиф. Бывший командир 1-го Черноморского революционного отряда А.В. Мокроусов оставил впечатляющее описание эпидемической катастрофы:

«К началу ноября Георгиевская больница была переполнена ранеными; того больничного уютя, что был в первые дни моего туда приезда, не стало, не хватало медикаментов, перевязочного материала, коек и белья. Продовольствие доставалось с трудом. Прежних веселых откормленных матросов-раненых сменили худые гряз-

*2

Серго Орджоникидзе (1886-1937).

*3

А.В. Мокроусов (1887-1959).

*4

Братские могилы красноармейцев в районе Кизляра.

ные с изможденными лицами, ко всему этому прибавилась испанка, люди чернели и умирали... Я выписался из больницы и поехал в Пятигорск. Прежнего красивого Пятигорска нельзя было узнать... Десятки больших домов были превращены в госпитали, набитые до отказа больными и ранеными... Вонь от раненых, не менявших по несколько дней перевязки, сбивала с ног. Стоны раненых, бред тифозных и больных испанкой приводил в содрогание даже нас, бойцов, выдавших виды...»².

Зараза перемалывала революционные ряды и на фронте. «Мобилизованных тысячами отправляли на фронт здоровыми, цветущими, а через несколько дней тысячами же везли их в тыл больными тифом и испанкой. Все хаты и все холодные с разбитыми стеклами ж[елезные] д[орожные] станции были переполнены больными, валяющимися на полах без всякого ухода», — вспоминал Мокроусов³.

Страшное начало похода

К концу декабря 1918 г. половина личного состава 11-й армии (до 50 тыс. чел.) числилась заболевшими⁴. 20 января 1919 г. фронт посыпался. Были оставлены Пятигорск, Минеральные Воды, Георгиевск. 24 января Чрезвычайный комиссар Совета Народных Комиссаров по Югу Г.К. Орджоникидзе направил В.И. Ленину телеграмму: «11-й армии нет. Она окончательно разложилась. Противник занимает города и станции почти без сопротивления. Ночью вопрос стоял покинуть всю Терскую область и уйти на Астрахань»⁵.

Отход частей 11-й армии осуществлялся по нескольким маршрутам — через Яшкуль, Величаевское, но основная масса армии в эшелонах продвигалась по железнодорожному маршруту Прохладная — Моздок — Кизляр.

Скученность людей в эшелонах добавила жертв, о чем свидетельствует Мокроусов:

«За Моздоком на путях стояло несколько замороженных бронепоездов, десятки поездов товарных, эшелоны с артиллерией и несколько поездов с классными вагонами... Открыл один вагон, шапка невольно поднялась на вздыбленных от ужаса волосах. Вагон был переполнен замерзшими трупами, позы мертвецов мог бы передать только лишь художник... На одной лавке лежал с синим, когда-то красивым лицом рослый тул. Красивый рот его, покрытый черными усиками, был передернут улыбкой, чья-то заботливая рука закрыла ему глаза и сложила на груди руки. Между двумя заостренными пальцами торчала записка на грубом картоне. Я прочел ее, вот содержание этой записки: «С радужной улыбкой ты, Миша, бил в морду городовых, со смехом отбивал Камаринскую, с улыбкой бил кадетов и с такой же улыбкой погиб за революцию, вот если бы рабочие все так за революцию с радостью умирали, было бы хорошо»⁶.

1

На участке от Моздока до станции Калиновской стояли санитарные поезда, сплошь наполненные умершими, а также брошенные вагоны с медикаментами, теплой одеждой⁷.

Буря в пути

Переход от Кизляра к Астрахани длиной около 300 верст начинался при ясной солнечной погоде. Через несколько дней передовая часть отрядов вступила на безлюдные калмыцкие земли. В ночь на 7 февраля подул резкий ветер, пошел снег, температура опустилась до -20°C . Один из красноармейцев, кому посчастливилось выйти из ледяной степи, оставил описание этих дней:

«На восьмой — десятый день начался кошмар. Не стало корма для лошадей, хлеба и других продуктов для людей. Не было по нашему пути ни одного источника воды... Бедные лошади, останавливаемые на отдых, грызли дерево — дышла, ящики; пришлось мне быть свидетелем того, как кони грызли друг другу гривы. Не злясь, а утоляя голод. На седьмой — восьмой день перехода на пути стали все чаще и чаще попадаться брошенные заморенные лошади, которые, не обращая внимания на своих собратьев по горю, стояли под ветер, склонив головы. Некоторые стоять уже не могли. Подобрал под себя ноги, воткнув ноздри меж колен, старались, ви-

* 5

А. Кокорин.
Тылы бойцов-таманцев.

димо, хоть последние минуты жизни подышать воздухом без примеси мелкого, забивающего ноздри песка»⁹.

Песчаный буран начался тогда, когда Мокроусов и его попутчики находились в нескольких верстах от Промысловки, в которую им в тот день попасть так и не удалось¹⁰. Буран утих только через сутки. Степная дорога пропала, ее обозначали только сугробы, под которыми были погребены песком и снегом люди, повозки, лошади.

Ослабевшие люди оставляли на дороге пушки, пулеметы и винтовки, а затем стали бросать и подводы с больными. Последние пытались согреться под еще теплыми телами павших лошадей¹¹.

Возникает вопрос, почему командование в зимний период не озаботилось поддержкой своих людей в безлюдной местности. Известно, что на полпути к Астрахани в Лагани, Промысловке, Яндыках были развернуты питательные пункты и что к этой деятельности имел отношение С.М. Киров¹². Однако ни один из мемуаристов свидетельств по этому поводу не оставил.

Доклад политотдела Каспийско-Кавказского фронта дает ту же картину бедствия и на подходе армии к Астрахани:

«Сотнями, а иногда и тысячами прибывали больные, измученные, холодные и голодные бойцы отступающей XI армии. Коменданты не имели под руками никаких средств, чем могли бы обогреть прикрытое рубищем грязное тело. Не было медикаментов, чтобы дать помощь больным. Не было перевязочных средств и многого друго-

го. Больные и здоровые, прикрытые и раздетые, холодные и голодные, прошедшие сотни верст сыпучими песками, потерявшие человеческий облик, они лежали друг на друге. Больные заражали здоровых, а потерявшие силу воли умирали»¹³.

Опыт дорогой ценой

К 26 февраля 1919 г. к Элисте, Яндыкам и Астрахани вышло около 35 тыс. человек. Таким образом, потери 11-й армии, насчитывавшей в январе 96,6 тыс. человек, составили около двух третей личного состава. Конечно, не все они погибли в пути, были серьезные потери еще до похода на поле боя, кто-то попал в плен, скрылся в горах или в зарослях камышей в пойме Кумы...

Но о большей численности погибших в буране можно судить по отчету Н. Кокуркина. В марте 1919 г. он был назначен начальником санитарного отряда по уборке трупов на линии Форпост — Яндыки — Лагань — Серебряновка, то есть на последних 150 верстах пути. Наибольшее количество тел было обнаружено между Эркетенновской ставкой и Серебряновкой. Его отрядом было убито и захоронено около 3 тыс. человеческих останков¹⁴. При этом Кокуркин не делит погибших на военных и гражданских. Оставшихся на дороге между Кизляром и Серебряновкой, как и умерших в брошенных поездах между Моздоком и Кизляром никто не считал.

Эта тяжелая страница в истории Красной армии имела важное последствие для хода Гражданской войны. По партизанщине был нанесен крепкий, хотя и не сокрушительный удар. Костяк анархистствующей вольницы был уничтожен испанкой, тифом, морозами и снежным бураном в калмыцкой степи, что на следующем этапе способствовало укреплению РККА на регулярных началах. Эпидемия зимы 1918–1919 гг. ребром поставила вопрос об укреплении санитарно-эпидемических армейских служб, который советской стороной был решен в короткие сроки.

Слустя год, когда армии А.В. Колчака и А.И. Деникина разваливались под влиянием морозов и тифа, наступавшая в тех же условиях Красная армия и отбросила белых на самые окраины страны.

* 6

Анкета погибшего в астраханских песках бойца.

¹ Ордоникидзе Г.К. Статьи и речи. В 2 т. Т. 1. М., 1956. С. 91.

² Центр документации новейшей истории Ростовской области (ЦДНИРО). Ф. Р-12. Оп. 2. Д. 264. Л. 55–57.

³ Там же. Л. 58.

⁴ Ордоникидзе Г.К. Указ соч. Т. 1. С. 98; ИАСОИ. Ф. 11.

Оп. 35. Д. 880. Л. 19; Сухоруков В.Т. XI армия в бою на Северном Кавказе и Нижней Волге (1918–1920 гг.). М., 1961. С. 176.

⁵ Ордоникидзе Г.К. Указ соч. Т. 1. С. 182.

⁶ ЦДНИРО. Ф. Р-12. Оп. 2. Д. 264. Л. 65.

⁷ Врангель П.Н. Записки.

Ноябрь 1916 г. – ноябрь 1920 г. В 2 кн. Кн. 1. М., 2003. С. 172–173.

⁸ ЦДНИРО. Ф. Р-12. Оп. 2. Д. 72. С. 56.

⁹ Хранилище документов новейшей истории Национального архива Республики Адыгея. Ф. 1123. Оп. 2. Д. 44. Л. 43–44.

¹⁰ ЦДНИРО. Ф. Р-12. Оп. 2. Д. 264. Л. 79.

¹¹ Центр документации новейшей истории Краснодарского края. Ф. 1714-Р. Оп. 2. Д. 165. Л. 13.

¹² Сухоруков В.Т. Указ соч. С. 210–211.

¹³ Цит. по Блану А.В. Языки командарма Яндыки. //

Кавказский сборник (Новосибирск). 2014. Т. 8 (20). С. 98.

¹⁴ ЦДНИРО. Ф. Р-12. Оп. 3. Д. 575. Л. 2–6.